

Л.Я.Костючук

СВОЕОБРАЗИЕ ПСКОВСКИХ ГОВОРОВ В УСЛОВИЯХ СОСЕДСТВА С ДРУГИМИ ЯЗЫКОВЫМИ СИСТЕМАМИ (СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ПРИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЕ)

Положение псковских говоров необычно по условиям взаимоотношений с разными языковыми системами: не только близость по ряду черт к новгородским говорам, но и особое древнее «пограничье» с балтскими и финно-угорскими языками. Последнее способствовало проявлению и развитию таких языковых свойств, которые отличают псковские говоры не только от других славянских языков, но и от всех других русских говоров. Лексикографическая работа над «Псковским областным словарём с историческими данными» требует пристального внимания к разным сторонам слова при его функционировании в речи. Специальные же исследования привели и приводят к значимым научным открытиям: например, содружество с археологией позволило обосновать причины известных ранее и обнаруженных в XX веке псковских диалектных особенностей.

Ключевые слова: «пограничье» псковских говоров, уникальные диалектные особенности, синхрония и диахрония, лексикография

На народную речь самое пристальное с научных позиций внимание было обращено в новое время, особенно в период зарождения и становления сравнительно-исторического языкознания (XIX в.). Для этого необходимо было собрать материал — богатство народного языка. В России довольно рано увлёкся этим В.И.Даль, но скоро это стало осознанным трудом всей его жизни с выходом в 1962 г. прижизненного первого издания замечательного «Толкового словаря живого великорусского языка» [1]. В немецкой науке Я.Гримм, путешествуя с братом-фольклористом, познавал диалекты немецкого языка, значительно различающиеся территориально, сравнивал их с книжным немецким. В.И.Даль по этому поводу в статье «О наречиях русского языка» отмечал: «Во Франции, Германии, Италии... местный народный говор нередко до того отклонялся от общепринятого, что почти может быть принят за другой язык» [2]. А многочисленные русские говоры оказались во многом доступны лексикографу, который удивительно проникал в их тайны, сравнивая их между собою и с соседними с ними языками.

В очерке «О наречиях русского языка», который систематизирует богатейшие наблюдения В.И.Даля, ценно, например, следующее: «...у чуваш нет букв *б, г, ж, з, ц*, а вместо их: *п, к, т, ш, ч*», поэтому, «прислушиваясь к искажённому русскому говору тех из них, кои ещё не вовсе обрусели, не находишь никакой связи между сим обстоятельством и местным русским наречием. Так говорят только плохо знающие по-русски, обрусевшие же отстают вовсе от этого произношения, вполне принимая местный говор, в котором нет и следов чувашского». С другой стороны, В.И.Даль подчёркивает, что «поблизости от других инородцев... русские переняли от них несколько слов или оборотов; но это влияние довольно ничтожно» [3]. Это один из примеров, как многое уже замечали, причём с попыткой осмыслить, в народной речи те, кто начал серьёзно ею заниматься. Ведь на такие черты обращают внимание и сейчас при соприкосновении с псковскими говорами. При лексикографической работе такие наблюдения ценны как свидетельство бережного накопления материала.

Составляя общедиалектный (не дифференциальный) словарь, В.И.Даль написал относительно говоров Псковской губернии: «Губ. Псковская далеко далеко не представляет той пестроты и смешения наречий, как Тверская, но и там Псков, Порхов, Холм более принадлежат Новгороду, а Опочка и Великие Луки — Белоруссии, хотя и не настолько, как тверское Заволжье (Ржев)» [4]. Это замечание свидетельствует о понимании собирателем народных слов значимости для соответствующих говоров межъязыковых контактов в пределах и одного национального языка. Указанное — до сих пор это одна из типичных черт псковские говоры: вследствие территориального положения, они взаимодействуют с русскими соседними новгородскими говорами в их западной части и с другими языковыми системами (балтскими и финно-угорскими), причём исторически очень рано.

В настоящее время близость эстонского языка тоже сказывается на соседнюю русскую диалектную речь. Показательно древнее заимствованное из эстонского слово *ба/оркан* 'морковь', в котором звучание *porgand*: в языке-источнике глухой звук [p] и звонкий [g] — в псковских говорах соответственно звонкий [b] и глухой [k]. И хотя у псковичей есть и общерусское слово *морковь*, они, находясь в условиях «пограничья» с балтийскими финно-уграми, при вынужденном переселении, сохраняли свой материнский язык в дальнем и ближнем зарубежье. Например, в «Словаре русских говоров Башкирии» мы встретили слово с корнем *боркан-* только в одном пункте Уфимского района, причём без иллюстраций. Это слово *борканник*, но в значении не 'морковь', а 'ботва картофеля' [5]. Оно не имеет семы 'морковь', но сблизается с тематикой сельскохозяйственных растений. В беседе с диалектологами из Уфы выяснилось, что переселенцы в прошлом в указанном месте могли иметь связи с Псковской землёй. Так, видимо, и назвавший слово хранил воспоминания о лексемах этого корня как «визитной карточки» псковской речи.

Составители русских диалектных словарей в XIX в. (В.И.Даль, сотрудники Императорской академии наук под руководством академика А.Х.Востокова, создавшие «Опыт областного великорусского словаря» [6],

«Дополнение» к нему [7]), отмечали в списке поступлений материала из губерний много псковских источников [8].

Постепенно со сбором и публикацией материалов по говорам к концу XIX в. в лингвистике стали обращать внимание на самое трудное не только в рамках развивающегося сравнительно-исторического языкознания вообще, но и в связи с диалектными фактами, зафиксированными в словарях, памятниках письменности — на объяснение причин явлений (сказывалось и достижение «младограмматиков» в совершенствовании этого направления).

В русской лингвистике к концу XIX в. и особенно в первые десятилетия XX в. некоторые учёные интересовались спецификой псковских говоров. В частности, А.А.Шахматов неоднократно обращался к разгадке такого явления в псковских говорах, памятниках, как наличие сочетаний звуков [зл], [кл] на том месте, где должен был бы быть звук [л] в случаях типа *жерездо* — *жердо, сустрекли (стрет-)*. Выдвигалось несколько версий. Но разрешить этот вопрос тогда не удалось (скажем об этом в связи с другим явлением). Ведь псковские говоры оставались загадкой по многим своим свойствам, которые отличают их не только от всех других русских говоров, но и от других славянских языков, включая и восточнославянские.

XX век явился во многом расцветом русской диалектологии: учение о членении русских диалектов (создание «Диалектологической карты русского языка» и затем совершенствование членения русских говоров); специальный сбор материалов в полевых условиях для словарной картотеки обобщающего диалектного словаря, для Диалектологического атласа русского языка — это под руководством академических институтов. В послевоенное время вспыхнул интерес к сбору материалов для региональных словарей и атласов (к сожалению, долгое время такое «провинциальное» стремление не поощрялось); расширились планы и академических учреждений. Всё это способствовало познанию говоров, позволяло убеждаться в своеобразии народного богатства — местной народной речи. При этом важно помнить, что сохранение достоверного, предварительно систематизированного народного материала — это та база в картотеке, которая не исчезает, а постоянно служит не одному поколению исследователей. Опыт пристального и целенаправленного исследования псковских говоров показал, насколько важно для неожиданных доказательств или новых исследований не упустить даже как будто единичного примера, относящегося к тому или иному уровню языка. Например: *женщинов* (родительный падеж множественного числа для женского рода), случай из псковских памятников *всегда на конь* (случай, который интересовал А.А.Шахматова: сочетание *гл* на письме отражает важное явление в псковских говорах); диалектное *привели с Питера пулки* вместо *привезли, булки*; при работе над Лексическим атласом для названия кучки земли, нарытой кротом, то есть для «положительного» рельефа, — вдруг обнаружилось слово *нора*. (Это ведь проявление энантиосемии, что потом подтвердилось несколькими ещё примерами).

«Псковский областной словарь с историческими данными» [9] был обоснован Б.А.Лариным как современный диалектный словарь полного типа (включает и общерусские лексемы, используемые в народной речи) и одновременно диалектный исторический (вводятся местные слова из псковских памятников). Лексикографическая работа над ним создала условия для широкого круга исследований. Слово анализируется многогранно; картотека богатейшая (хранится в Санкт-Петербургском и Псковском университетах). Сохранение и обнаружение «псковских редкостей» позволило, помимо общей работы над Псковским областным словарём, определить собственные темы исследований, совершенствовать умение вглядываться в мелочи, замечать роль взаимодействия «соседства» с другими внутренними (говоры и литературный язык) и внешними языковыми системами («пограничье» с латышами, эстонцами).

Чрезвычайно важными были регулярные совместные конференции диалектологов территориально близких республик (в Риге, Вильнюсе, Тарту, Пскове): для изучения псковских говоров значимым было знакомство с состоянием народных русских говоров в этих республиках у выходцев в прошлом с Псковской земли. А псковская народная речь с учётом настоящего и прошлого вызвала интерес у специалистов и из других мест. Серьёзные работы В.Н.Чекмонаса (Вильнюс) по фонетике (об аффрикатах [ц] и [ч]) (см., например, [10]). Польский учёный С.Штибер (Варшава) поддержал и опубликовал открытие С.М.Глускиной о «несвершении» второй палатализации в псковских говорах [11]. Во второй половине XX века за рубежом были подготовлены ценные памятники по истории псковской народной речи — русско-немецкие разговорники, источниками которых явились записи немецкими купцами бесед с псковичами в XVI в. (составитель Т.Шрове [12]) и в 1607 г. (составитель Т.Фенне [13]). Результаты подготовки известными учёными и издания этих разговорников (Т.Шрове — учениками слависта В.Витковского в Кракове в 1992 г.; Т.Фенне — Р.Якобсоном и Л.Хаммерихом в Копенгагене в 1970 г.) — очень важны в работе над словарными статьями при создании словаря и в проведении соответствующих исследований по псковской тематике. В этих источниках были обнаружены подтверждения многих уникальных черт псковских говоров.

Первая, но очень значимая псковская конференция 1960 г., посвящённая обсуждению планов относительно задуманного Б.А.Лариным «Псковского областного словаря» и проблемам изучения псковских говоров, показала серьёзность сравнительно-сопоставительных исследований с учётом не только синхронии, но и диахронии. Б.А.Ларин писал: «Непосредственное изучение северо-западных говоров привело З.В.Жуковскую к хорошо обоснованным выводам о процессе их образования. Историко-сравнительные разыскания С.М.Глускиной обогащают историческую фонетику русского языка» [14].

Упомянем некоторые открытия, сделанные в XX в. на материале псковских говоров. Об одном писал Б.А.Ларин по итогам первой псковской конференции: выяснение С.М.Глускиной особого характера неэтимологического псковского звука [ch], встречающегося в разных условиях: с одной стороны, в случаях типа *спрахивать* вместо *спрашивать*, *мехать* вместо *мешать*; с другой — *мяхо* вместо *мясо*, *хвет* вместо *свет*. Богатый фактический материал и внимание к условиям мены звуков [ш] и [х] позволили исследователю первые случаи объяснить морфонологическими условиями, а вторую мёну ([ç] и [x]) — ещё древним географическим распространением явления на определённой территории области. Со временем, утвердившись, случаи этой мены распространились и в другие места [15].

Эта работа С.М.Глускиной с убедительными доказательствами уточнила и расширила понимание мены шипящих и свистящих (*суба* — *шуба*, *позня* — *пожня*) в псковских говорах, соседствовавших и соседствующих с финно-угорским населением. Псковские памятники подтверждают наличие этой черты: так, в местных грамотах XIV—XV вв., открытых Л.М.Марасиновой, встречаются примеры *Здановы дети* (притяжательное прилагательное от имени *Ждан*): «*Се розделися Здановы дети...*»; *шабри* вместо *сябри*: «*Се мы пожаловахомъ шабри Великополскои земли над Толвою рекою*» [16].

Второе яркое открытие С.М.Глускиной свершилось в результате работы с псковскими материалами для «Псковского областного словаря» (богачейшая картотека), для «Диалектологического атласа русского языка» при необходимости и желании определить и место слов с древними корнями типа *кеп-*, *кев-*, *кед-*, в которых выступает звук [к] вместо общеславянского [ц] перед гласным переднего ряда дифтонгического происхождения: *кеп* и др., *кёв*, *кёвца* и др., *кедить*, *кеж* и др. Значит, в таких случаях наблюдается несвершение второй палатализации заднеязычных согласных, которая считалось непреложным славянским законом. Было замечено исследователем, что это дошло до настоящего времени именно в словах, связанных с названиями таких фактов, которые значимы для деятельности человека, проявляются главные семы в значениях однокоренных слов: ‘орудие молотбы’ (*кеп-*); ‘деталь ручного ткацкого стана’ (*кев-*); ‘пропускать жидкость через что-нибудь для очищения’ (*кед-*). Поиски причины такого исключительного явления, обнаруженного только на ограниченной территории, отражающего изоляцию говоров, вынудили С.М.Глускину использовать доступные в 60-е годы достижения археологии. Это помогло допустить, что в период второй палатализации предки псковичей (кривичи) находились в соседстве с древними балтами и балтийскими финно-угорскими племенами довольно длительно в отрыве от остального славянского мира. Известно, что в языке финно-угров допустимо и сейчас положение заднеязычных перед гласными переднего ряда [17].

Кстати позже археолог-славист В.В.Седов по результатам многочисленных археологических исследований обосновал путь кривичей как раз в данный период из Средней Европы на восток в поисках более удачных климатических условий и земель. Так предки псковичей и оказались в районе псковских озёр, пройдя через массив указанных древних балтов и финно-угров. Сомкнувшись, эти племена естественно изолировали кривичей [18; 19]. Археологу в его выводах по данным материальной культуры выводы лингвиста С.М.Глускиной тоже помогли (он ссылался на на указанную работу учёного). Это один из примеров утвердившегося в XX в. «содружества гуманитарных дисциплин».

Установленная С.М.Глускиной причина несвершения второй палатализации имеет большую научную значимость для объяснения ещё одной редкой черты псковских говоров — наличие сочетаний согласных [çl], [кl] на месте звука [л] в восточнославянских языках из общеславянских сочетаний *dl, *tl. Это та черта, которая интересовала А.А.Шахматова, рассматривавшего разные версии причин такого факта при учёте мнений и других учёных. Но ни одна не удовлетворила его.

Оказывается, ещё в своих лекциях 10-х годов XX в. по диалектологии в Петербургском университете А.А.Шахматов, отвергнув все версии, включая и версию А.И.Соболевского о влиянии польского языка, в котором сохранены древние по происхождению сочетания [dl], [tl], оставил важное замечание-рассуждение в своих предположениях: «Я считаю гораздо более вероятным и правдоподобным признание указанной звуковой черты наносно, зашедшею с запада, обязанною влиянию польского языка. И точно так жё у меня нет оснований отрывать белорусов от остальной семьи...» [20]. Значит, для псковичей, при сравнении с белорусами, недопустимо влияние польского. Однако псковичи и не могли бы, сначала упростив древние сочетания, а затем по своим «собственным» причинам приобрести их со стороны («наносная черта») от западных славян (тем более даже белорусы не испытали этого). На фоне сказанного в лекциях, имея опыт объяснения причины несвершения второй палатализации самым вероятным представляется нам признание изоляции древних псковичей по соседству с балтами, в языке которых есть такие исследуемые сочетания и в однокоренных со славянами корнями *egla*, *gerkle* и др. (а в псковских говорах *егла*, *жерекло* при общерусском *ель*, *горло*). «Наносным» влиянием в такой ситуации можно признать объективную поддержку соседними балтскими языками несвершения упрощения сочетаний согласных при изоляции кривичей от славянского сообщества, а также появление звуков [ç], [к] у славян под влиянием «образца» в языке балтов.

А.А.Зализняк позже на материале берестяных грамот пришёл к подобному решению о несвершении палатализации, не зная о публикациях С.М.Глускиной. Услышав от своих коллег об открытии предшественницы, он, как истинный учёный, признал её первенство, назвав «эффектом Глускиной», а в своей теории одного из древних славянских диалектов ввёл такую формулировку: «древний псковско-новгородский диалект» [21].

Одной из морфологических черт этого древнего диалекта, обнаруженной А.А.Зализняком при работе над текстами новгородских берестяных грамот, является особая форма имён мужского рода бывшей основы на *ǫ (твёрдого варианта) единственного числа именительного падежа с окончанием *-e* вместо стандартного окончания *-ь* [22]. Эта древняя черта тоже представлена в псковских памятниках письменности. Так, в грамоте, первой четверти XV в. (1417—1421 гг.) — духовной Акилины, жены князя Фёдора, — находим: «*то даю мужеве моему Федору в одерень а изнесетьсѧ мужь Федорѣ ино даю щцоу свою... Оуспенью светей бци в манастырь черничамъ на кормлюю*» [23]. Эта грамота, обнаруженная Л.М.Марасиновой среди документов XVII в., связанных с земельными спорами, оказалась подлинной. В этом её особая ценность: в речи псковитянки, жены псковского князя-москвича, много и других местных особенностей помимо указанной. В приведённом небольшом фрагменте проявлено и чоканье (*черничамъ*); своеобразно отражённое на письме второе полногласие (знак, то есть буква, для произносимого второго, вставного, гласного находится после обозначения «постороннего» для этого явления согласного (обозначается буквой «ъ» после буквы «м», а не после буквы «р», обозначающей сонорный звук: *на кормлюю*); не обнаруженный пока ни в одном словаре синоним к глаголу *умереть*, неоднократно отмеченный и в других псковских грамотах: *изнесетьсѧ*.

Отражение окончания *-e* в исходных именных формах мужского рода на твёрдый согласный единственного числа находим в русско-немецких разговорниках Т.Фенне 1607 г. и Т.Шрове XVI в., которые имеют псковскую речевую базу. Это прежде всего формы краткого прилагательного (в указанный период они имеют только застывший именительный падеж) и глаголы прошедшего времени (по происхождению действительное причастие прошедшего времени с суффиксом *-л-*). В глагольных формах рассматриваемое окончание часто проявляется в том случае, когда наблюдается и псковский рефлекс сочетаний звуков [*zl], [kl] из древних [*dl], [*tl]: «*Яз тебе обличу / уличу/ доведу, что ты в том дэ лэ виноватѣ, затим не запирайся*» (346. 5); «*Я с тобой розлэ злесь / расплатился / смолвился / розочкдлесь, я тебэ не виноватѣ*» (343.6.). (В издании источника публикаторы указывают страницу рукописи и номер примера при издании; в библиографическом описании указывается страница издания.) [24]. Очень похожие контексты и в словаре Т.Шрове, что свидетельствует о существовании какого-то более раннего протографа; в этом томе издания памятника нет пока транслитерации на кириллицу. Поэтому в списке форм дано указание страницы рукописи номера строки для быстроты поиска: поэтому в данном случае это выглядело бы так: 34.8 и 33.14 [25].

Даже только некоторые примеры убеждают, что записи русской речи иностранцами — это тоже ценные свидетельства о русском языке и его истории. Такая возможность получена в отечественной науке благодаря небезопасному подвижничеству Б.А.Ларина в течение нескольких десятилетий. Расшифровывая, исследуя, сопровождая научными комментариями, привлекая и современные сведения о русском языке из разных его пластов, учёный представил образцы доказательств, что эти памятники прошлого — тоже ценные источники для познания языка, особенно если в них фиксируется живая речь прошлого. Это три памятника — два словаря и грамматика, отражающие русскую речь XVI—XVII вв. с ценными и интересными текстами [26].

Работа над новым в мировой лексикографии типом диалектного словаря на материале псковских говоров была вызвана уникальными особенностями и самих псковских говоров. Это заставляет выяснять своеобразие на разных уровнях, в разном временном возникновении и проявления. Кроме того, тысячелетнее своеобразное «пограничье»: древние контакты с иноязычным населением при доказываемой археологией и лингвистикой изоляции определённое время от другого славянского мира... Всё это вызывало необычное развитие «своего» в языке кривичей — предков псковичей, что оставило значительные и важные отличительные особенности в народной речи, которые обнаруживаются, фиксируются и исследуются, приводя подчас к серьёзным открытиям. Этому и была посвящена статья.

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956.
2. Даль В.И. О наречиях русского языка. По поводу Опыта областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением Императорской академии наук // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка... Т. I. С. XLI.
3. Даль В.И. О наречиях русского языка... С. XLVII.
4. Даль В.И. О наречиях русского языка... С. LVI.
5. Словарь русских говоров Башкирии / Под ред. З.П.Здобновой. Уфа: Гилем, 1997. С. 43.
6. Опыт областного великорусского словаря. СПб.: Императ. акад. наук, 1852. 275 с.
7. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб.: Императ. акад. наук, 1858. 328 с.
8. Опыт областного великорусского словаря... С. VI.
9. Псковский областной словарь с историческими данными. Л./СПб.: Изд-во Лен./СПб. ун-та, 1967—2016. Вып. 1—26.
10. Чекмонас В.Н. Особенности реализации согласных [ц] и [ч] в говорах Псковской области // Псковские говоры. История и диалектология русского языка: сб. науч. тр. / Под ред. Я.И.Бьёрнфлатена. Oslo, Solum Forlag, 1997. С. 182-208.
11. Głuska Z. O drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich // Słavia Orientalis. 1966. Roc. XV. N 4. S. 475-482.
12. Schroue T. "Einn Russisch Buch". Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI w. Cz. II. Transliteracja tekstu, indeks wyrazów i form rosyjskich / Pod red. A.Fałowskiego. Kraków: Wyd-wo B. Grell i córka, 1992. 322/113 s.
13. Fenne T. Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Vol. II. Transliteration and Translation / Ed. L.L.Hammerich, R.Jakobson. Copenhagen: Commissioner: Munsgaard, 1970. 556-488 p.
14. Ларин Б.А. Предисловие // Псковские говоры. I: труды первой псков. диалектолог. конф- 1960 г. / Отв. ред. Б.А.Ларин. Псков: Псков. обл. типогр., 1962. С. 3.
15. Глускина С.М. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. I: труды первой псков. диалектолог. конф- 1960 г. / Отв. ред. Б.А.Ларин. Псков: Псков. обл. типогр., 1962. С. 28-57.

16. Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV—XV веков / Под ред. В.М.Сахарова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. С. 54, 61.
17. Глушкина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II: труды второй псков. диалектолог. конф. 1964 г. / ред. коллегия. Псков: Великолук. гор. типогр., 1968. С. 20-43.
18. Седов В.В. Славяне в древности / Ред. Н.В.Лопатин. М.: Фонд археологии, 1994. 344 с.
19. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье / Ред. Н.В.Лопатин. М.: Фонд археологии, 1994. 416 с.
20. Шахматов А.А. Русская диалектология: лекции / Под ред. Б.А.Ларина, с приложением очерка "Древнейшие судьбы русского племени". СПб.: Филол. фак-т СПб. ун-та, 2010. С. 53-56.
21. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Школа русской культуры, 1995. 720 с.
22. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект... С. 78.
23. Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты... С. 73.
24. Fenne T. Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607... P. 313; 309.
25. Schroue T. "Einn Russisch Buch"... S. 83 (34.8); 82 (33.14).
26. Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII веков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 686 с.

References

1. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t. M.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarye, 1956.
2. Dal' V.I. O narechiyakh russkogo yazyka. Po povodu Opyta oblastnogo velikoruskogo slovarya, izdannogo Vtorym otdeleniem Imperatorskoy akademii nauk // Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka... T. I. С. XLI.
3. Dal' V.I. O narechiyakh russkogo yazyka... С. XLVII.
4. Dal' V.I. O narechiyakh russkogo yazyka... С. LVI.
5. Slovar' russkikh govorov Bashkirii / Pod red. Z.P.Zdobnovoy. Ufa: Gilem, 1997. S. 43.
6. Opyt oblastnogo velikoruskogo slovarya. SPb.: Imperat. akad. nauk, 1852. 275 s.
7. Dopolnenie k Opytu oblastnogo velikoruskogo slovarya. SPb.: Imperat. akad. nauk, 1858. 328 s.
8. Opyt oblastnogo velikoruskogo slovarya... S. VI.
9. Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi. L./SPb.: Izd-vo Len./SPb. un-ta, 1967—2016. Vyp. 1—26.
10. Chekmonas V.N. Osobennosti realizatsii soglasnykh [ts] i [ch] v govorakh Pskovskoy oblasti // Pskovskie govory. Istoriya i dialektologiya russkogo yazyka: sb. nauch. tr. / Pod red. Ya.I.B'ermlatena. Oslo, Solum Forlag, 1997. С. 182-208.
11. Gluskina Z. O drugiej palatalizatsii spólglosek tylnoyazykovykh v rosyjskikh dialektach pólmocno-zachodnich // Slavia Orientalis. 1966. Roc. XV. N 4. S. 475-482.
12. Schroue T. "Einn Russisch Buch". Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI w. Cz. II. Transliteracja tekstu, indeks wyrazów i form rosyjskich / Pod red. A.Falowskiego. Kraków: Wyd-wo B. Grell i córka, 1992. 322/113 s.
13. Fenne T. Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607. Vol. II. Transliteration and Translation / Ed. L.L.Hammerich, R.Jakobson. Copenhagen: Commissioner: Munsgaard, 1970. 556-488 p.
14. Larin B.A. Predislovie // Pskovskie govory. I: trudy pervoy pskov. dialektolog. konf- 1960 g. / Otv. red. B.A.Larin. Pskov: Pskov. obl. tipogr., 1962. S. 3.
15. Gluskina S.M. Morfonologicheskie nablyudeniya nad zvukom [ch] v pskovskikh govorakh // Pskovskie govory. I: trudy pervoy pskov. dialektolog. konf- 1960 g. / Otv. red. B.A.Larin. Pskov: Pskov. obl. tipogr., 1962. S. 28-57.
16. Marasinova L.M. Novye pskovskie gramoty XIV—XV vekov / Pod red. V.M.Sakharova. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1966. С. 54, 61.
17. Gluskina S.M. O vtoroy palatalizatsii zadneyazychnykh soglasnykh v russkom yazyke (na materiale severo-zapadnykh govorov) // Pskovskie govory. II: trudy vtoroy pskov. dialektolog. konf. 1964 g. / red. kollegiya. Pskov: Velikoluk. gor. tipogr., 1968. S. 20-43.
18. Sedov V.V. Slavyane v drevnosti / Red. N.V.Lopatin. M.: Fond arkhologii, 1994. 344 s.
19. Sedov V.V. Slavyane v ranнем средневековье / Red. N.V.Lopatin. M.: Fond arkhologii, 1994. 416 s.
20. Shakhmatov A.A. Russkaya dialektologiya: leksii / Pod red. B.A.Larina, S prilozeniem ocherka "Drevneyshie sud'by russkogo plameni". SPb.: Filol. fak-t SPb. un-ta, 2010. С. 53-56.
21. Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskiy dialekt. M.: Shkola russkoy kul'tury, 1995. 720 s.
22. Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskiy dialekt... S. 78.
23. Marasinova L.M. Novye pskovskie gramoty... S. 73.
24. Fenne T. Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607... R. 313; 309.
25. Schroue T. "Einn Russisch Buch"... S. 83 (34.8); 82 (33.14).
26. Larin B.A. Tri inostrannykh istochnika po razgovornoy rechi Moskovskoy Rusi XVI—XVII vekov. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2002. 686 s.

Kostyuchuk L.Ya. Peculiarity of the Pskov dialect neighbouring other language systems (synchronic and diachronic observations in lexicography). The peculiarity of the Pskov dialect lies in interaction with various language systems: it is not only close to the Novgorod dialect in some features, but is also situated at the old "borderzone" with the Baltic and Finno-Ugrian languages. This neighborhood contributed to manifestation and development of the linguistic features that set the Pskov dialect apart not only from other Slavic languages, but also from all other Russian dialects. Lexicographic work on the Pskov Regional Dictionary with Historical Data requires greater focus on various aspects of the word in its functioning within speech. And special research has resulted and still results in prominent academic discoveries: for example, collaboration with archeology provided rationale for already known peculiarities of the Pskov dialect and those discovered in the 20th century.

Keywords: "borderzone" of the Pskov dialect, unique dialect peculiarities, synchrony and diachrony, lexicography.

Сведения об авторе. Л.Я.Костючук — доктор филологических наук, профессор; Псковский государственный университет, факультет русской филологии и иностранных языков; anh57@yandex.ru.
Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 19.08.2017.